

ТАТАРЫ И ТРАДИЦИИ ИСЛАМА В ИМПЕРСКОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.520-531>

EDN: EVIИТ

Нижегородские татары-мусульмане в региональном измерении (методологический аспект)

О.Н. Сеньюткина

*Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Российская Федерация
senutkina@mail.ru*

Резюме. Автор статьи исследует методологические подходы к изучению нижегородских татар-мусульман, которые нашли применение в трудах предшественников или те из них, которые еще ждут апробации. При этом используется микросрез нижегородского социокультурного пространства. Особое внимание в статье уделяется понятийному аппарату описания истории мишарей, выявлению специфических черт мишарского субэтнуса татарской нации и роли государства в создании переломных моментов истории этой общности.

Автор показывает, что одним из исследовательских ракурсов изучения истории мусульман (в том числе, российского татаро-мусульманского мира) может быть место пребывания верующих, их локализация. Использование регионального измерения при написании истории российских татар вполне оправдано, хотя бы потому что исторически сложились специфические черты в процессе развития отдельных субэтносов татарского народа (сибирские татары, крымские татары и др.). Автор на примере истории татар Нижегородчины доказывает преимущества использования такого принципа как междисциплинарность, считая возможным применение отдельных элементов тех или иных методологий к пониманию этноса в оптике исторической этнологии. Другой важной исследовательской проблемой, актуализированной автором, является значимость региональной специфики, как в изучении структуры и самосознания автохтонных народов России в их субэтническом разрезе, так и связанной с этим региональной специфики полиэтнического и поликонфессионального государства, каковым является Российская Федерация. Материалы статьи позволяют говорить об актуальности избранной автором темы, поскольку общая этническая картина России складывается из отдельных региональных «мазков».

Ключевые слова: ислам, социум, нижегородские татары-мусульмане, методология, постсекулярность, оптика нарратива.

Для цитирования: Сеньюткина О.Н. Нижегородские татары-мусульмане в региональном измерении (методологический аспект). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 520–531. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.520-531> EDN: EVIИТ

Nizhny Novgorod Muslim Tatars in the regional dimension (methodological aspect)

O.N. Senyutkina

Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University

Nizhny Novgorod, Russian Federation

senutkina@mail.ru

Abstract. The author of the article explores methodological approaches to the study of Nizhny Novgorod Muslim Tatars, which found application in the works of predecessors or those that are still awaiting testing. In this case, a microsection of the Nizhny Novgorod sociocultural space is used. Particular attention in the article is drawn to the conceptual apparatus of describing the history of the Mishars, identifying the specific features of the Mishar subethnic group of the Tatar nation and the role of the state in creating turning points in the history of this community.

The author shows that one of the research angles for studying the history of Muslims (including the Russian Tatar-Muslim world) may be believers' place of residence, their localisation. The use of the regional dimension when writing the history of Russia's Tatars is completely justified, if for no other reason than that specific features have historically developed in the process of development of individual subethnic groups of the Tatar people (Siberian Tatars, Crimean Tatars, etc.). Using the example of the history of the Nizhny Novgorod Region Tatars, the author proves the advantages of using such a principle as interdisciplinarity, considering it possible to apply individual elements of certain methodologies to understanding ethnicity in the optics of historical ethnology. The author draws attention to another important research problem – the significance of regional specifics, both in studying the structure and self-awareness of the autochthonous peoples of Russia in their subethnic context, and, related to this, the regional specifics of a multi-ethnic and multi-confessional state, that is the Russian Federation. The materials of the article allow us to speak about the relevance of the topic chosen by the author, since the overall ethnic picture of Russia consists of individual regional “strokes”.

Keywords: Islam, society, Nizhny Novgorod Muslim Tatars, methodology, post-secularity, optics of narrative.

For citation: Senyutkina O.N. (2024) Nizhny Novgorod Muslim Tatars in the regional dimension (methodological aspect). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 520–531. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.520-531> (In Russ.)

В заглавии статьи отмечены «нижегородские татары» (татары-мишари) как отдельный предмет исследования. Насколько это отделение от татарской общности может быть правильным с точки зрения истории и современного видения? Может быть, в духе глобализации пространственная локальность (иными словами – географический кейс) неуместна и её следует отодвинуть на задний план или вообще забыть? Но что тогда остается в сознании более чем 50 тысяч татар, в исторической памяти людей, живущих по сей день на юго-востоке Нижегородской области, тюркские предки которых восходят, по меньшей мере, к XIII–XV вв.? Эти и другие вопросы, которые неизбежно возникают у исследователя, задавшегося целью осуществить микросрез нижегородского простран-

ства в оптике тюркского сюжета, заставляют обратиться к методологии как науке о принципах и методах постижения человеком окружающего мира. Кроме того, сегодня существует интерес к региональной специфике практических проявлений мусульманского вероучения, и написан ряд работ в этом ключе, что также подтверждает необходимость изучения конкретики бытия правоверных в том или ином пространстве (Сенюткин, 2001; 2009).

Методологические подходы к пониманию человеческого общества и отдельных его составляющих (будь то человек или группа людей) постоянно менялись вместе с изменениями объективной реальности. Диалектичность процесса сводилась к тому, что общественные изменения диктовали перемены их осмысления, а описание перемен, в свою очередь, конструировало действительность, уходя в значительной степени из сферы сознания в сферу материального. Отмеченный посыл заставил автора статьи обратиться к методологическим векторам исторических исследований, которые, по мнению ряда современных специалистов, находятся сегодня в центре внимания ученых-гуманитариев и являются востребованными в академической среде.

Изучая перспективы исторической этнологии, как части гуманитарного знания, Р.С. Хакимов отмечает, ссылаясь на труды А. Тойнби, что «татарская тематика» на сегодня пока не освоена учеными: «для европейских историков татары – это антимир». Не отрицая значимости ряда научных трудов, поднимающих вопросы истории татар, он выявляет проблему необходимости «переоценки методологических основ и понятийного инструментария с позиции современных задач», утверждая и доказывая, что «эта проблема не является сугубо российской, она характерна в целом для мирового научного сообщества» (Хакимов, 2016: 13).

В этнологическом исследовательском поле основными дефинициями, традиционно выработанными интеллектуальной генеалогией прошлых лет, должны сохраниться, на наш взгляд, такие как: «этнос», «религия», «культура», «цивилизация», «общность» и другие устоявшиеся языковые единицы. Тем не менее, остается сложность, осознаваемая в академическом сообществе, заключающаяся в полисемантичности этих понятий. От этой многозначности содержания понятий исследователю трудно уйти без разрушения общей картины истории этносов, которая в его сознании заложена определенным образованием и принадлежностью к той или иной историко-этнологической школе. Изучая этносы, невозможно обойтись без понимания этнонимов.

Этноним – это изначально некий маркер, который дает пищу для дальнейших размышлений по поводу того или иного этноса. Это некий знак, который разделяет людей. Есть «мишари», есть «немишари». Назовем этнонимы татар-мишарей: это, в первую очередь – *татарлар* или *мишәрләр*. Наличие этих терминов уже говорит о том, что мишари не отделяют себя от более широкого по содержанию понятия – татары. Кроме того, татарин-мишарин может назвать себя *меселман*, но это будет не этноним, а конфессионим. Он может назвать себя, *алатор*, но это будет топоним. А вот политонима для обозначения мишарей

мы не найдем, поскольку своего отдельного государства, некоего, условно говоря, Мишаростана, татары-мишари не создали и в целом не стремились к этому. Конечно, имеющиеся названные обозначения рождались в связи с меняющимися условиями жизни.

Говоря о мишаро-татарском субэтнотате татарской нации, мы должны обратить внимание на некоторую специфику его обозначения. Вспомним, что часто мишари именуется «мещерой». В русских летописях упоминается народ «мещера», а в XIX в., опираясь на эти сведения, историки связывали два понятия «мещера» и «мишари» и считали, что древнее финно-угорское племя, о котором идет речь в «Повести временных лет», подверглось тюркизации и дало основу мишарям. Этой точки зрения придерживались А.С. Гациский, С.П. Толстов и др.

Особняком стоит мнение о соотношении понятий «мишари» и «можары (маджары, мачары)». Исследователь А.М. Орлов ставит знак равенства между этносами, именуемыми в разных источниках как: «мещер», «мишер», «маджар», «можар», «мочар» и считает, что это – один народ, западные половцы (кипчаки). Приоритет маджар в этногенезе мишарей отстаивает и Д.З. Хайретдинов. Однако, целый ряд крупных специалистов-востоковедов (Д.А. Хвольсон, А.Я. Гаркави, В.Г. Тизенгаузен, Б.Н. Заходер), занимаясь исследованием истории венгерского народа, понимали под маджарами древних венгров (мадьар). Добавим, что понятие «Мещера» – ещё и географическое. Местность с названием Мещера – окраинная часть Древней Руси, которая вошла в Московское княжество.

Историческая этнология видит мир без тех достаточно жестких границ, к которым мы привыкли, изучая современную политическую карту мира. Однако без политологической составляющей представить перемены в жизни нижегородских татар (например, лашманство) не представляется возможным, поскольку перевод татар к новому социальному статусу происходил «сверху» по решению политической элиты.

В нашем видении структура татаро-мишарского этноса может выглядеть следующим образом.

Микроуровень представлен отдельными индивидами, носителями этнического сознания (этнофорами) и семьями, как отдельными микрогруппами, воспроизводящими этническую культуру.

Собственно этнический уровень – совокупность этнических общностей на уровне нижегородских, пензенских, лямбирских и других групп. Этот же уровень представляют мещеряки Башкортостана, которые могут быть квалифицированы не как этнический, а как этносоциальный организм.

Макроуровень – это татаро-мишарский субэтнос, входящий в татарскую нацию.

Супермакроуровнем может быть славяно-тюркский суперэтнос.

Многозначность содержания терминов, используемых методологами, устойчиво требует выделения узловых, оселковых, лингвистических обозначе-

ний, выбор которых зависит от методологической направленности работы ученого. Тяготение к тому или иному методологическому вектору (а сегодня их накопилось большое количество) подвигает ученого к соблазну детерминистского выбора. Это может быть историческая психология, интеллектуальная генеалогия/история (ранее именуемая историей общественной мысли), гендерная история, история ментальностей, история в духе «every-day life», «микроистория», религиозная антропология и др. Существует большой набор конкретных приемов исследования. Такая многозначная палитра затрудняет выработку единой социокультурной модели общества: она еще не создана и может быть и не будет создана. Релятивистский/постмодернистский взгляд на мир тянет нас в сторону от глубины познания и многих исследователей не устраивает. Видимо, нужны новые дефиниции. Недавно появляется понятие постпостмодернизм, затем метамодернизм (Ван ден Аккер Робин, 2019), в котором историка, безусловно, подкупает возврат Истории после провозглашенного Фукуямой Конца Истории (Фукуяма, 1990: 84–118).

На наш взгляд, именно методологический выбор «оселков» историко-этнологического характера может привести к конвергенции гуманитарных наук и постепенно к стиранию границ между ними. Региональное измерение в большей степени тяготеет к микроистории в пространственном кейсе и необходимо для обретения более глубокого понимания конкретных пространств. Но правильно ли отказаться от «Большого нарратива», оставив его в эпохе модернизма, как мы отказались в 1990-х гг. от марксистского метавзгляда на мир, обвинив его в излишней схематичности и экономической детерминированности? Марксизм/неомарксизм нацеливает исследователей на обязательность изучения экономики, в том числе на региональном уровне. Экономическая подсистема общественной жизни в формате общества-системы, возведенная в ранг базиса общественно-экономической формации, убеждает, что без материальной культуры тех же нижегородских татар (и не только) многие специфические черты их жизни будут не поняты.

Не отказываясь от «Большого нарратива» (метанарратива), необходимого, среди прочего, при признании существующих общечеловеческих, мировых проблем, мы понимаем, что без исследования микросюжетов историко-этнологического характера, без регионального измерения, мы теряем возможность решения многих задач, необходимых для совершенствования межкультурных коммуникаций глобального уровня. Общая мировая концепция истории не должна быть потеряна, по нашему убеждению. Тогда регионоведческий ракурс будет представлять собой необходимый элемент общего взгляда на мир. Например, мусульманские практики нижегородских татар станут интересной частью религиозной жизни исламской цивилизации в целом.

Понимание переплетения межкультурных коммуникаций в историческом процессе требует критического подхода. Как пишет М. Глостанова: «Деколониальное мышление – это критический подход в гуманитарных и социальных науках, который в широком смысле зародился в Африке, Южной Америке и

среди интеллектуальных меньшинств в США (коренных американцев, латинос/ас и др.). Вместо того чтобы вести свое историческое происхождение от интеллектуального наследия Греции и Рима, деколониальное мышление в качестве точки отсчета использует открытие Нового Света, возникновение атлантических коммерческих маршрутов XVI–XVII вв., геноцид коренного населения и работорговлю африканцами, организованную западными христианскими государствами Европы. Деколониальное мышление отходит прочь от западной истории и всесторонне исследует колониальную матрицу власти, возникшую в XVI–XVII вв. в Атлантике, как темную сторону модерности» (Тлостанова, 1990; Тлостанова, 2009: 5–14).

Учитывая современное движение человечества от бинарности к многополярности, а также нежелательность монополярности для большого количества стран планеты, следует обратить внимание на ту методологическую установку, которая получила наименование «переплетенной истории». В стремлении уходить от детерминизмов разного свойства, гуманитарии стремятся показать сложность исторических процессов развития народов через констатацию множества факторов влияния на них.

Актуальность «переплетенной истории», как направления методологической мысли¹, О. Бессмертная связывает с «деколонизацией»² гуманитарных исследований, понимая под ней «высвобождение нарративов, посредством которых мы – исследователи – описываем историю изучаемых сообществ, из-под воздействий имперских и колониалистских дискурсов и навязываемых ими интерпретаций» (Бессмертная, 2023: 16). О деколонизации в широком смысле этого слова, а не в дихотомии «колония-метрополия», ученые заговорили относительно давно: «Переплетение истории» её сторонники характеризуют как далеко «не новое, да и не жестко очерченное, направление в международной историографии, формирующееся преимущественно в начале 2000-х гг. Оно стоит в том же ряду, что то смыкающиеся, то расходящиеся с ним исследовательские направления, которые предлагают транснациональную и транскультурную перспективы и отказываются от замыкания исторического исследования в категориальных рамках сколь угодно широко очерчиваемых воображаемых сообществ и единств – нации, империи или цивилизации; среди них «перекрестная история» (*histoire croisée*), «взаимосвязанная история» (*connected history*), исто-

¹ Речь идет о тех ученых, кто работает в рамках проекта «Переплетенная история / *Entangled History*: мусульмане и другие в России и вовне», который реализуется при поддержке Фонда академического развития Факультета гуманитарных наук (2022–2024) и в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Деколонизация в широком смысле слова, с глубоким философским звучанием требует определенного осмысления в российской интеллектуальной традиции, которая под воздействием советского периода отечественной истории сводит определение содержания понятия к прямой политической дихотомии «метрополия – колония». К тому же, в среде российских ученых до сих пор нет единого мнения о том, насколько можно считать Российскую империю колониальной державой.

рия пограничий (borderland history) и/или фронтиров, даже «глобальная история» – хотя все они порой решительно спорят друг с другом»» (Бессмертная, 2023: 20).

В нижегородском татаро-мишарском кейсе это означает большее движение в сторону конкретики повседневности мусульман, выявлению их самости и меньшее обращение к российской имперской и постимперской государственности как фактору, на неё влияющему. Кроме того, межкультурные переплетения, ярко проявляющиеся в полиэтноконфессиональном Нижегородском регионе, оттеняют ту специфику татар-мишарей, которая была обретена исторически именно в связи с особенностями населения края.

Принимая цивилизационный подход к пониманию исторического процесса в 1990-е годы, мы, историки-исследователи, понимали его излишнее акцентирование на локальных цивилизациях. Анализируя всеобщий исторический процесс в рамках исторических вузовских курсов, но отказываясь вместе с тем от его марксистской интерпретации, мы говорили об особой значимости межкультурных взаимодействий, убирая из картины мира излишние «Великие китайские стены» (Сенюткина, 1994). В условиях «архивной революции» мы пытались осмыслить многоэтничность и поликонфессиональность российского общества, дискутируя, являются ли эти объективные характеристики плюсом или минусом для россиян в целом.

Предметом споров явился также вопрос о продуктивности примордиализма. Как отмечал В.А. Тишков, сторонники примордиализма признают, что «осознание групповой принадлежности будто бы заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания» (Тишков, 1997: 92). Сегодня набирает силу тенденция увлечения рассмотрением этничности как врожденного свойства человеческой идентичности (Ельчинова, Васильева, Эльканова, Зинченко, 2013). Однако, на наш взгляд, этносы, даже, если принять их как примордиальные группы, носят характер, прежде всего, социальных, а не биологических сообществ, поскольку этнические сдвиги и связи рассматриваются как сущностно зависимые от исторических изменений.

Примордиализму в понимании этноса противостоят конструктивизм и инструментализм. Используя эти методологические системы, следует обратить внимание на важнейшие факторы, влияющие на формирование этносов – общность языка и территории. Применительно к мишарям, это будет выглядеть следующим образом.

Пространство, где формировались мишари, историческая Мещера – низменная равнина, расположенная между реками Клязьмой на севере, Москвой на юго-западе, Окой на юге и реками Судогдой и Колпь на востоке. Кроме того, в Мещеру входили земли по рекам Ока, Цна, Алатырь, Сура (в её среднем течении), Пьяна. Юг и юго-восток современной Нижегородской области может исторически рассматриваться как часть Мещеры, а именно Восточная Мещера. А нижегородские татары – это жители Восточной Мещеры. Поэтому иногда их

называют мещеряки. Это слово закрепилось за мишарями – переселенцами в Башкортостан, создателями мещеряжских поселений, мещеряжских военных подразделений.

На современной карте в состав пространства, где формировались мишари, входят юг и юго-восток Нижегородской области, Мордовия, восток Рязанской области, север Пензенской и Ульяновской областей, часть Татарстана (Буинский и Дрожжановский районы), часть Московской, Владимирской областей России.

Что касается лингвонима для обозначения мишарей: это западный диалект татарского языка. Кроме того, изучая тюркоязычные народы, лингвисты указывают на наличие в среде татар-мишарей двух ярко выраженных групп: северных, цокающих и южных – чокающих.

К тому же есть этнические общности, которые не «вложились» в этноним «мишари», но по другим источникам являлись этноэлементами базового характера для формирования татаро-мишарского субэтнуса. Основа татаро-мишарской этнической общности многокорневая и складывалась из таких основных этноэлементов, как древние тюрки, хазары, волжские булгары, буртасы, кипчаки (они же половцы, куманы), возможно, маджары (мадьары, мочары, мацары, мажгары).

Предки татар-мишарей (протомишари) оставили следы своего раннего пребывания в пространстве Мещеры (понимаемой в широком смысле слова) ещё с доордынских времен, то есть до XIII в., до прихода воинов Бату на Восточно-Европейскую равнину. Таким образом, уже в те времена происходили межэтнические и межконфессиональные взаимодействия; предки татар-мишарей учились жить в соседстве с финно-уграми и частично славянами. Период с древности до XIII столетия являлся, по сути, первым этапом формирования татаро-мишарского этноса. Второй этап относится к XIII–XVI вв. Консолидации этноса способствовала государственность.

У предков татар-мишарей был свой своеобразный опыт государственности – это был сначала период пребывания их части в составе Волжской Булгарии. Затем можно вспомнить в составе Орды самостоятельный Мещерский юрт (Мещерское княжество) с центром в городе Мохши. Улус Мохши или Наровчатское княжество было смешанным по составу населения: там жили и буртасы, и можары, и мордва, и чуваша, и частично славяне. Северо-западная часть Мещерского юрта стала основой для формирования Касимовского ханства, просуществовавшего с 1445 по 1681 гг.

Тюрки жили на территории формирования мишарей задолго до письменных свидетельств их пребывания в этом пространстве. К XVI в. этническая общность татар-мишарей в основном сложилась на основе более раннего буртасско-можарско-половецкого и более позднего золотоордынского-тюркского компонентов.

Важным методологическим посылом является рассмотрение истории нижегородских татар с точки зрения традиционности и модерности.

Во-первых, традиционность хозяйственной деятельности была изначально связана со скотоводством, что определялось природными условиями – полочецкой степью. Волжские булгары, как известно, перешли к земледелию. Всё больше вторгаясь в лесостепную полосу и соприкасаясь со славянами-земледельцами, тюрки выдвигают на первый план пашню, а не пастбище. Модерность в экономической жизни, связанная с развитием российского капитализма, была подготовлена торговой деятельностью татар-мишарей. Однако, несмотря на вхождение в товарно-денежные отношения и переселение в города, мишари не успели сформировать свою буржуазию, не дошли до нации, остались народностью, если учитывать исторические формы этноса. Индустриализация советского времени подтолкнула представителей татаро-мишарской этнической общности, как и в целом татар, к вхождению в промышленные коллективы. Например, история татар города Дзержинска Нижегородской области является подтверждением тому.

Во-вторых, традиционность в жизни татар-мишарей определялась религией – исламом. Яркой страницей их истории было противостояние крещению в XVI–XVII вв. и в XVIII столетии. Особенно был силен натиск Крещенской Конторы, действовавшей в середине XVIII в. и не добившейся того результата, к которому стремились миссионеры. Модерностью в указанном контексте можно считать некоторый уход от религии в связи с атеизацией советского времени, за которым последовало новое обращение к конфессиональным корням.

Проблема «Центр/периферия» также может быть приложена к истории нижегородских татар. В политическом смысле: тюрки в исторической области Мещера тяготели к Булгару. Затем центры менялись: Сарай-Бату, Москва и Казань на параллелях, затем Москва (с середины XVI в.) как единственный центр.

В пределах региона Нижний Новгород (полиэтноконфессиональный по составу населения) выступал в большей степени центром административного свойства. Татары испытывали также влияние Сергача, Пильны, Сеченова и т.д. Но в культурном смысле мишари всегда тянулись к Казани, и конечно, конфессионально к Мекке и Медине, что усложняет проблему исследования мишарского менталитета.

Накопление эмпирического материала и публикация историй отдельных татарских селений Нижегородской области продолжается и сегодня, потребность в этом знании высказывается самими татарами³, но на параллелях с этим происходит, например, критическое осмысление того, как воспринимался ислам российской политической элитой в царское и советское время (Гусева, Сеньюткина, Христофоров, 2021).

Создавая региональную этническую историю, мы ставим вопросы о том, кто её пишет (принадлежащий к этносу автор – «свой» или «чужой», ощущаю-

³ Из последнего вышедшая в 2023 г. история татарской деревни Красный Остров, что в Нижегородской области (Красный Остров..., 2023).

щий себя вне описываемого этноса; историк, этнолог или кто-то иной), что является приоритетным на этапе сбора эмпирического материала, и, что немаловажно, какой методологический инструментарий используется ученым для глубокого погружения в тему.

Поскольку единая методология не существует, выход из сложившейся ситуации, по-видимому, в активном принятии такого методологического принципа как междисциплинарность. Подчеркиваем словосочетание – *активное принятие* (курсив – авт.), поскольку сегодня многие ученые не отрицают важность использования междисциплинарности, но на деле не торопятся вводить новации, заложенные в этом принципе.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Бессмертная О. «Переплетенная история» и/или «деколонизация» исторических исследований? // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2023. № 3/4 [41]. С. 14–32.

Ван ден Аккер Робин. Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма: [Робин ван ден Аккер, Тимотеус Вермюлен, Джеймс МакДауэлл и др.]; под редакцией Робина ван ден Аккера [и др.]; перевод с английского В.М. Липки. Москва: Группа компаний РИПОЛ классик: Панглосс, 2019.

Гусева Ю.Н., Сенюткина О.Н., Христофоров В.С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.) М.: Медина, 2021.

Ельчинова Г.И., Васильева Т.А., Эльканова Л.А., Зинченко Р.А. Татары-мишари: популяционно-генетическая характеристика // Живые и биокосные системы. 2013. № 3. С. 1–13. URL: <https://jbks.ru/archive/issue-3/article-19?ysclid=lybwwii2rx572727101> (дата обращения: 22.04.2024).

Красный Остров и его история. М.: ТДДС-Столица-8, 2023.

Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001.; переизд. Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009.

Сенюткина О.Н. Учебно-методическое пособие по курсу «История цивилизаций». Нижний Новгород: НГЛУ, 1994.

Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности в России. М., 1997.

Тлостанова М.В. Деколонизация гуманитарного знания // Вестник РУДН. Серия Философия. 2009. № 1. С. 5–14.

Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С.66–84.

Фукуяма Ф. Конец историй? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

Хакимов Р.С. Перспективы исторической этнологии // Историческая этнология. 2016. Том 1, № 1. С. 8–23.

REFERENCES

- Bessmertnaya O. (2023) “Intertwined history” and/or “decolonisation” of historical research? *Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossi i zarubezhom* [State, religion and church in Russia and abroad]. No. 3–4 [41]: 14–32. (In Russ.)
- Van den Akker Robin (2019) *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after postmodernism.*: Ripol-Classic Publishing house. URL: https://psv4.userapi.com/c856232/u59859230/docs/d16/dda3e41eb63a/Robin_van_den (accessed: 22.04.2024). (In Russ.)
- Guseva Yu.N., Senyutkina O.N., Khristoforov V.S. (2021) *It is possible to understand and imagine Islam... (the image of Islam in the minds of Russians from the 1880s to the 1920s).* Moscow: Medina Publ. (In Russ.)
- Elchinova G.I., Vasilyeva T.A., Elkanova L.A., Zinchenko R.A. (2013) Mishar Tatars: Population genetic characteristics. *Zhivye i biokosnye sistemy* [Living and bioinert systems]. No. 3: 15–24. (In Russ.)
- Red Island and its history* (2023) Moscow: TDDS-Capital-8 Publ. (In Russ.)
- Senyutkin S.B. (2009) *History of the Tatars of the Nizhny Novgorod Volga region from the last third of the 16th century to the early 20th century. (The historical fate of the Mishars of the Nizhny Novgorod region).* N. Novgorod: NNGU edition; reissue (2021): Moscow – N. Novgorod: Medina Publ. (In Russ.)
- Senyutkina O.N. (1994) *Educational and methodological study guide for the History of Civilizations course.* Nizhniy Novgorod: NGLU Publ. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the theory of ethnicity and the politics of ethnicity in Russia.* Moscow. (In Russ.)
- Tlostanova M.V. (2009) Decolonising humanities knowledge. *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya* [Bulletin of RUDN University. Philosophy Series]. No. 1: 5–14. (In Russ.)
- Tlostanova M. (2020) Post-colonial hedgehog’s destiny and decolonial hedgehog’s choice: post-socialist mediation. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. No.1 (161): 66–84. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1990) The end of history? *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 3: 84–118. (In Russ.)
- Khakimov R.S. (2016) Perspectives of historical ethnology. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Vol. 1. No. 1: 8–23. (In Russ.)

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Панисламизм и пантюркизм: исторический, современный и прогностический дискурс в лицах и событиях» (N 24-28-00188), <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>

Acknowledgement. The article was prepared as part of the Russian Science Foundation grant “Pan-Islamism and Pan-Turkism: historical, modern and prognostic discourse in persons and events” (N 24-28-00188), <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>

Сведения об авторе: Сенюткина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и мировой политики, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Историческая компаративистика, регионоведение и развитие восточно-азиатских территорий», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (603455, ул. Минина, 31а, Нижний Новгород, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-0649-7295>; e-mail: senutkina@mail.ru

About the author: Olga N. Senyutkina, Doctor Sc. (History), Professor at the Department of History and World Politics, Head of the International Research Laboratory “Historical Comparatistics, Regional Studies and Development of East Asian Territories”, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University (31a Minin St., Nizhny Novgorod 603455, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-0649-7295>; e-mail: senutkina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 10.07.2024

Принята к публикации / Accepted 13.08.2024